

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

кому письму, оказавшему определенное влияние на формирование уйгурской письменной системы. Формирование приемов рунического письма происходило в особых условиях воспроизведения текстов путем выдалбливания на камне, гравировки на металле, резьбы по кости, дереву и т.п., при которых трудоемкость воспроизведения текста способствовала "экономии" знаков и знаки, несущественные с точки зрения смысловых различия, нередко опускались. Приемы письма, выработанные в этих условиях частично были перенесены на уйгурское письмо и сохранялись впоследствии и при воспроизведении текстов на бумаге.

Наблюдаемые в фонетической системе раннесредневекового уйгурского литературного языка изменения, происходившие в период его активного функционирования (с IX по XIV вв.), таким образом, говорят о едином направленном характере развития языка, отмеченного постепенной утратой черт, присущих восточнотюркским языкам, и обретением черт, свойственных западнотюркским языкам. Эти изменения происходили, по всей видимости, под влиянием местных наречий тех регионов, в которых этот язык функционировал в качестве стандарта.

Условные сокращения.

СЦ - Уйгурская версия биографии Суань-цзана.

Литература.

1. Л.Ю.Тугушева. Раннесредневековая уйгурская рукописная книга. "Рукописная книга в культуре народов Востока", кн. 2, М., 1988, с. 360.
2. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984, с. 174.
3. А.М.Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 88-89.
4. Н.С.Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, с. 207.
5. А.М.Щербак, ук.соч., с. 58.

А.С.Четверухин

К ИСТОРИИ ТЕРМИНА "ИМЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ"

В 1950 году Эмиль Бенвенист констатировал, что "со времени появления широко известной статьи А.Мейе, в которой было определено место именного предложения в системе индоевропейских языков

и тем самым ему был впервые придан лингвистический статус, несколько исследователей, занимавшихся главным образом древними индоевропейскими языками, внесли свой вклад в историческое описание этого типа высказывания. Именное предложение, если его охарактеризовать кратко, включает именной предикат, при отсутствии глагола или связки, и рассматривается в индоевропейских языках как нормальное выражение для тех случаев, где возможной глагольной формой было бы 3-е лицо наст. времени изъявительного наклонения глагола "быть". Это определение получило широкое распространение даже за пределами индоевропистики...¹ (подчеркивание наше - А.Ч.). Прямое указание на источник не приводится, но в комментариях к русскому переводу исследований Э.Бенвениста Ю.С.Степанов (редактор) на с. 433 отмечает ряд соответствующих статей А.Мейе. Из высказывания Э.Бенвениста может создаться ложное представление, что разработке учения об именном предложении лингвистика вообще обязана только индоевропеистам.

А.Мейе в программной статье "Именное предложение в индоевропейских языках"² постулирует следующее: "Семитская грамматика различает глагольное и именное предложения: глагольное предложение содержит глагол в качестве важнейшего элемента, и даже может состоять только из глагола ... Именное предложение не имеет в своем составе вообще никакого глагола и заключается только в соответствии, установленном между двумя именами... Если это различие столь отчетливо в какой-либо семье языков, то это потому, что оно основано на самой природе вещей (*fondée sur la nature même des choses*). Глагольное предложение выражает действие или состояние..., именное предложение содержит лишь то, что какое-то качество, способ бытия подтверждены относительно чего-либо...". Но ни в этой, ни в других³ статьях нет конкретных указаний на какую-то определенную "семитскую" грамматику.

Несмотря на эти констатации автор, воспользовавшись любезно предоставленной помощью А.Г.Периханян, все же попытался найти хронологически более раннее, чем у А.Мейе, определение именного предложения в индоевропестике, и прежде всего в "Сравнительном синтаксисе" Б.Дельбрюка.⁴ Но там, как и у Р.Кюнера,⁵ встретились лишь термины "*das Prädikativum*" (у первого) и "*prädikatives Adjektiv oder Substantiv*" (у второго). Ср. также "Сравнительный синтаксис языков, изучаемых в школе" Ф.Зоммера⁶ - "*das Prädikativum*", что соответствует русскому термину "(составное) именное сказуемое".

Вопрос о содержании термина "именное предложение" существе-

нен по ряду причин, в том числе: 1) следовало бы установить авторство исследователя; 2) соответственно приоритет того или иного регионального языкознания; 3) но самое главное – структура какого именно языка смогла явить такую же природу вещей (*la même nature des choses*, перефразируя А.Мейе) как и протоиндоевропейский. Более того, если действительно обнаруживается общая сущность в природе именного предложения в семитских и индоевропейских языках, то выводы А.Мейе, ход и направление его исследований закономерно применимы и в обратном направлении, т.е. к материалу афразийских языков, где "мостиком" явился бы искомый материал конкретного семитского языка, либо языка афразийской семьи, причислявшегося тогда непосредственно к семитским.

Именно потому, что еще в 1844 году⁷ была сделана первая попытка отнести египетский язык к семитским, и потому, что первая монография по именованному предложению написана на египетском материале,⁸ логично обратиться к египтологической грамматической школе.

В § I вышеуказанного труда К.Зете отмечает, что его текст был в основном завершен осенью 1912 года и обсужден с Э.Х.Гардинером. Автор отмечает также поддержку и помощь семитолога Е.Литмана. Во втором параграфе дается сноска на первое издание "Новоегипетской грамматики" А.Эрмана (1879, § 317) относительно классификации египетского именного предложения на два типа: 1) именное предложение с неизменным предикатом, которое, по предложению Е.Литмана, определяется как "наречное именное предложение", и 2) именное предложение с именным предикатом. Отметим, что четкое определение именного предложения отсутствует в "Новоегипетской грамматике" А.Эрмана и во втором издании.⁹ Зато уже в прообразе его "Египетской грамматики" – в монографии "Язык папируса Весткар" (1889), § 274¹⁰ – содержится такое определение: "Именное предложение в собственном смысле – это предложение, предикатом которого является имя или выражение с предлогом", при этом автор ссылается на указание по данной формулировке со стороны своего коллеги Кребса. Фриц Кребс, защитивший в год выхода указанной работы А.Эрмана диссертацию,¹¹ известен в основном как текстолог,¹² но не как теоретик в области грамматики. Не известны, впрочем, и работы Е.Литмана,¹³ где содержались бы теоретические разработки определения термина "именное предложение".

В 1894 году вышло первое издание грамматики А.Эрмана.¹⁴ В § 327 он дает следующее определение: "Под (чистым = *reinem*) именованным предложением понимается предложение без глагола, предикатом которого является таким образом существительное, прилагательное

или предложное выражение, тогда как его субъектом является имя или абсолютное личное местоимение". Сноска на Ф.Кребса исчезает. В последующих параграфах речь идет об употреблении именного предложения: в утверждениях (§ 328), в повествовательных и даже относительных придаточных (§ 329), и т.д. Текст почти не изменен и во втором издании (1902),¹⁵ которым мог пользоваться А.Мейе.

Уже тот факт, что в своей формулировке именного предложения А.Эрман находился под влиянием Ф.Кребса, специально не занимавшегося теоретическими вопросами грамматики, предполагает какой-то иной первоисточник. Да и то, что данная дефиниция не являлась плодом собственного глубокого убеждения А.Эрмана, подтверждается в частности ее кардинальным изменением в четвертом и последнем издании "Египетской грамматики" (1928)¹⁶ после выхода, и, возможно, вопреки положениям § I вышеуказанной работы К.Зете, к которым мы вернемся ниже. В разделе "Предложения" А.Эрман пишет: "Египетский обладает двумя видами предложений, которые по образцу семитской грамматики мы обозначаем как глагольные и как именные предложения. Различие между ними первоначально заключается в том, что в первом, глагол, во втором имя или местоимение являются для говорящего существенным, поэтому именно это он и ставит в начало своей речи". Здесь абсолютно отчетливо наблюдается влияние европейской арабистической грамматической школы, в частности - "Арабской грамматики" К.Брокельмана.¹⁷ Так, говоря о релевантном признаке классификации предложений на глагольные и именные, автор утверждает, что именное предложение в отличие от глагольного обозначает состояние субъекта. Субъект обычно определенно детерминирован. В составе предиката, помимо имени, предлога с именем, наречия, может также входить либо именное, либо даже глагольное предложение. Тогда такое предложение является составным. Но глагольное предложение может быть представлено одной лишь финитной формой. В результате может оказаться, что предложения одного лексического состава, даже из двух одинаково дифференцированных морфологически конститuentов, могут быть - одно - глагольным, другое - именным. То же и в 13-м издании этой же грамматики.¹⁸ Ср. также формулировку Н.В.Юшманова,¹⁹ § 27: "Предложение называется именным, если начинается с имени, иначе - глагольным... В отличие от европейской семитская речь не имеет прямой связи членов предложения и пользуется преимущественно непосредственной кладкой речевых единиц друг за другом... Порядок слов определяется ходом мысли, начиная с того, на что в данное мгновение обращают больше внимания...". Но ср. прим. 3 на с. 164: "В учении о связи речи название "именное предложение"

употребляется одними в смысле § 27, а другими только в смысле предложения без глагола...". Отбрасывая как невозможную, вопреки неправильному утверждению Ж.Вергота,²⁰ гипотезу об авторстве Г.Штайндорфа данной дефиниции, уже хотя бы потому, что он сам ссылается на А.Эрмана,²¹ можно утверждать, что и школа К.Брокельмана не могла послужить ориентиром для А.Эрмана и Ф.Кребса. Все это наводит на мысль о необходимости обратиться к гебраистической грамматической школе.

В "Еврейской грамматике Вильгельма Лезениума" (27-е изд., 1902) ее составитель Е.Кауч дает такие принципы синтаксической классификации:²² "1) Всякое предложение, субъект и предикат которого представлен именем или его эквивалентом ... называется именным предложением... 2) Всякое предложение, субъектом которого является имя..., а предикатом - финитная глагольная форма, называется глагольным предложением... 3) Всякое предложение, субъект или предикат которого повторены в самостоятельном предложении, называется составным предложением... 4) Вышеотмеченная дифференциация различных видов предложений - т.е. именных и глагольных - необходима для более тонкого понимания еврейского (как и семитского вообще) синтаксиса потому, что здесь речь идет ни в коем случае не о чисто внешнем (формальном) различии, но о глубинном различии в смысле. Именные предложения, предикатом которых является существительное, представляют собой нечто стабильное, некое состояние, короче - бытие, глагольные же - нечто динамичное, протекающее, происходящее и действующее. Последнее, в определенном смысле относится и к предложениям со сказуемым-причастием...". См. дефиницию К.Зете в § I у.с.: "Мы привыкли в египетской и коптской грамматике обозначать все предложения, субъект которых стоит перед глаголом, или такие, которые вообще не содержат глагола, как именные предложения, без всякого различия, по образцу арабской грамматики, тогда как предложения, в которых глагол стоит перед субъектом, мы обозначаем как глагольные. По сути же между обоими видами предложений существует и внутреннее различие. "Именные предложения" - это предложения, обозначающие бытие (состояние).... "Глагольные предложения" - это, в отличие от них, предложения, выражающие нечто происходящее (некую деятельность)". К этому см. прим. I: "Предложения, в которых субъект выдвинут вперед лишь подчеркивания ради и поэтому на своем настоящем месте представлен местоимением, как это происходит и со всеми другими членами предложения, естественно, не могут рассматриваться как именные, каковыми их часто неправильно считают (например, я сам в

Verbum II § 141). Если в таких предложениях вычеркнуть поставленный вперед субъект, то останется полноценное предложение, которое, смотря по обстоятельствам, может быть глагольным или именным". Нет сомнений, что позиция К.Зете принципиально та же, что и у Е.Кауча. Не вызывает сомнений и близость позиции А.Мейе. Вероятнее всего, что К.Зете и А.Мейе перефразировали и уточнили оригинальное определение, каждый применительно к своему материалу и целям исследования.

Представляется, что аргументом в пользу авторства Е.Кауча явилось бы обнаружение в его работах динамики развития данного определения. И оказывается, что даже вопреки недоступности пишущему эти строки ряда изданий его грамматики это все же возможно. Выясняется, что определение, аналогичное таковому 27-го издания Грамматики Гезениуса, содержится в 26-м (Лейпциг, 1896, § 140) и 25-м (там же, 1889, § 140) изданиях данной грамматики в изложении Е.Кауча. Но в 21-м издании, еще в изложении Е.Рёдигера, его нет.²³ В 24-м издании, уже под редакцией Е.Кауча,²⁴ содержится предисловие к 22-му изданию (1878), в котором говорится о необходимости выработки новой синтаксической концепции, хотя в этом издании, § 144а, еще сохранена концепция европейской арабистической школы. Поэтому определение именного предложения, к которому восходят таковые А.Эрмана (посредством сообщения Ф.Кребса и А.Мейе, могут восходить, как и точка зрения Е.Литтмана, а также и определение К.Штойернагеля,²⁵ к дефиниции Е.Кауча, изложенной в 1889 году в 25-м издании Еврейской грамматики Гезениуса.

Сейчас трудно достоверно установить, самостоятельно ли Е.Кауч, ведомый материалом еврейской грамматики и элементарной логикой, пришел к своему определению, или же на него повлияла старая оригинальная арабистическая грамматическая школа. Термин "именное предложение" - джумлятун исмийятун, - означающий "синтаксическая синтагма, не обязательно предикативная, начинающаяся с имени" - термин более поздний.²⁶ Благодаря любезности Вл.В.Полосина нам удалось обратиться к труду классика арабской грамматической школы Сибавейхи (9 в.).²⁷ В § 3 ("О подлежащем и сказуемом") содержится понятие 'ibtidā', букв. "начало", абсолютно правильно трактуемое Г.Яном как "именное предложение - der Nominalsatz".²⁸ То, что содержание этого термина следует понимать именно так, явствует из примеров самого Сибавейхи. За исключением нескольких примеров, глагольных по составу, приносящих модальность высказывания в предложения, построенные на основе именных предложений, содержание этого термина вполне соответствует пониманию именного предло-

жения в трактовках Е.Кауча, А.Эрмана, А.Мейе и К.Зете. Но здесь интересно также и то, что само название термина по смыслу расшифровывается как "исходная/изначальная предикативная синтаксическая конструкция", если ориентироваться на корень бада'а,масдаром 8-й породы которого является термин 'ибтида'.²⁹ Это вполне соответствует и заявлению Сибавейхи относительно изначальности этой конструкции в заключительной фразе § 3 его Книги. Отметим, что в утверждении первичности именного предложения Сибавейхи опередил европейское языкознание более чем на 1000 лет.

Не исключено, что непосредственным толчком к исследованию именного предложения могла явиться и теоретическая разработка Е.Кауча. В любом случае в рамках авторитетной грамматики Гезениуса им впервые был выдвинут структурно-семантический критерий синтаксической классификации, что явилось принципиально новым шагом в развитии синтаксической теории. Благодаря ли Е.Каучу, или какому-нибудь другому автору, этот принцип нашел свое дальнейшее применение и развитие в индоевропеистике благодаря А.Мейе и в египтологии благодаря сначала А.Эрману, затем - К.Зете. Остается только сожалеть о разобщенности дальнейших поисков семитологов, египтологов и индоевропеистов. Так, работа К.Зете явилась новаторской во многих отношениях, но в первую очередь благодаря тому, что автор поднял очень важную проблему определения логической структуры именного предложения (и предложений других типов), тогда как А.Мейе занялся сравнением семантик истинно именного предложения и псевдоименного, т.е. предложения с глагольной связкой (копулой), насколько смог, проследил становление копулы, превращение именного предложения в глагольное, подошел к пониманию глубинного механизма различия семантик этих - именных и псевдоименных - предложений. Как выясняется много позже, эти же проблемы актуальны и для афразийского языкознания в целом. По крайней мере в отношении египетского языка эта тема находится еще лишь в начальной стадии разработки. Постепенное вытеснение именного псевдоименным предложением, отмеченное А.Мейе в индоевропейских языках, отмечается в целом и для семитских.³⁰ С другой стороны, исследование актуального членения именного предложения распространилось и на современный иврит.³¹ Изучение взаимоотношения семантик близких структур именного и псевдоименного предложений перекинулось и на материал бесписьменных языков, в частности, остяцких (в рамках генеративного синтаксиса).³² Анализ взаимоотношения именного и псевдоименного предложений в коммуникативном, логико-грамматическом и структурно-грамматическом аспектах лег в основу эволюционной теории пред-

ложения.³³ И наконец, выяснение вопроса о происхождении термина "именное предложение" в его данной структурно-семантической интерпретации заставляет внести уточнения в первые две страницы одной из работ данного автора.³⁴

-
- I. E. Benveniste. La phrase nominale. - Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T. 46, fasc. I, N 132. Paris, 1950, p. 19. Русский перевод В.П. Мурат, который здесь цитируется, см. в: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, гл. 14, с. 167.
  2. A. Meillet. La phrase nominale en indoeuropéen. - Mémoires de la Société de linguistique de Paris (=MSLP). T. 14, fasc. I. Paris, 1906, p. I.
  3. A. Mellet. Notes sur quelques faits gotiques. - MSLP. T. 15, fasc. 2, 1908, p. 73-103; id. La phrase nominale pure en arménien. - MSLP. T. 16, fasc. 5, 1910, p. 344-348.
  4. B. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. 3. Theil. Strassburg, 1900.
  5. R. Kühner. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. 2. Aufl. Hannover, 1870.
  6. F. Sommer. Vergleichende Syntax der Schulsprachen. 3. Aufl. Lpz.-Bln., 1931, bes. S. 7.
  7. Th. Benfey. Über das Verhältnis der ägyptischen Sprache zum semitischen Sprachstamm. Lpz., 1844.
  8. K. Sethe. Der Nominalsatz im Ägyptischen und Koptischen. Lpz., 1916.
  9. A. Erman. Neuaegyptische Grammatik. 2. Aufl. Lpz., 1933, S. 218 ff.
  10. A. Erman. Die Sprache des Papyrus Westcar. Eine Vorarbeit zur Grammatik der älteren ägyptischen Sprache. Göttingen, 1889.
  11. Fridericus Krebs. De inscriptione Aegyptiaca Chnemothi (Ḥnm ḥtp) Nomarchi. Dissertatio inauguralis. Berolini, 1889.
  12. Например: Fritz Krebs. Neues aus dem Faijum und dem Soknopaios-Tempel. Bln., 1893. - Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde (=ZÄS). Bd. 31, 1893, S. 1-3; id. und A. Erman. Aus den Papyrus der Königlichen Museen zu Berlin. Bln., 1899.
  13. Например: E. Littmann. Koptischer Einfluß im Ägyptisch-Arabischen. - Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft (=ZDMG). Bd. 56, 1902, S. 601-684; id. Zur Verbaladjektivendung -nj. - ZÄS 47, 1910, 62-64.

14. A.Erman. Ägyptische Grammatik. Bln., 1894.
15. A.Erman. Ägyptische Grammatik. 2. Aufl. Bln., 1902.
16. A.Erman. Ägyptische Grammatik. 4. Aufl. Bln., 1928, § 469 ff.
17. C.Brockelmann. A. Socins Arabische Grammatik. 6. Aufl. Bln., 1909, § 104-110.
18. C.Brockelmann. Arabische Grammatik. 13. Aufl. Lpz., 1953, 100 ff.
19. Н.В.Думанов. Грамматика литературного арабского языка. М., 1986.
20. J.Vergoté. La phrase nominale en copte. - "Coptic Studies in Honour of Walter Ewing Crum". Boston, 1950, p. 229.
21. G.Steindorff. Koptische Grammatik. Bln., 1894, § 384 (S.167-168; Erman. Ag.Gramm. (1.Aufl.), § 327).
22. E.Kautzsch. Wilhelm Gesenius' Hebräische Grammatik. 27. Aufl. Lpz., 1902, 140.
23. E.Rödiger. Wilhelm Gesenius' Hebräische Grammatik. 21. Aufl. Lpz., 1872, § 144, S. 284.
24. E.Kautzsch. Wilhelm Gesenius' Hebräische Grammatik. 24. Aufl. Lpz., 1885.
25. C.Steuernagel. Hebräische Grammatik. Bln., 1903, § 78, S. 116.
26. Cf. E.W.Lane. An Arabic-English Lexicon. Book I - Part 2 (=LAEL I/2). L.-Edinburgh, 1865, p. 460; Murtadâ al-Zabîdî. Tâj al-^cArûs. Bûiâq, 1892. T. 7, p. 262-265; G.Flügel. Definitiones viri meritissimi Sejid Scherif Ali Ben Nohammed Dschordschani. Lipsiae, 1895, p. 82 (Kitâb at-Ta^crîfât).
27. H.Derenbourg. Le livre de Sibawaihi. T. I. Paris, 1881.
28. G.Jahn. Sibawaihi's Buch über die Grammatik. I. Bd. Bln.-L.-N.Y., 1895, S. 9, § 3.
29. LAEL I/I, p. 163 ff.
30. D.Cohen. La phrase nominale et l'évolution du système verbal en sémitique. Etudes de syntaxe historique. Paris, 1984, esp. Chapitre septième.
31. A.Aikhenvald. On the Structure of Nominal Sentence in Modern Hebrew. М., 1987, Typescript.
32. E.Schliefer. Nominalsatz und "Seins-Verb" im Osrjakischen. Inaugural Dissertation. München, 1970.
33. А.П.Юдакин. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М., 1984.
34. А.С.Четверухин. Именное предложение в системе староегипетского синтаксиса. - ПС. Вып. 27. Л., 1981, с. 127-128.